
История философии

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 1(493) (091)

В ПОИСКАХ НОВЫХ ОСНОВАНИЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: КОММУНИКАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДЖ. ОСТИНА

М. Р. ДИСЬКО-ШУМАН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
ул. П. Бровки, 6, 220013, г. Минск, Беларусь

Проблема определения сущности рациональности является одним из сложных и актуальных вопросов современной философии. Это обусловлено кризисом классического рационализма и переосмыслением фундаментальных оснований рациональности, в результате которого в философии второй половины XX в. формируется понимание рациональности как многомерного феномена и происходит становление стратегии коммуникативной рациональности. Для понимания и оценки перспектив развития данной стратегии необходима теоретическая историко-философская реконструкция ее оснований, сформированных в различных направлениях прежде всего аналитической философии. Осуществлен анализ лингвистической феноменологии Дж. Остина с целью определить коммуникативное измерение основных понятий его теории речевых актов. Обоснован тезис о том, что разработанная Дж. Остином теория речевых актов является новым инструментом лингвистического анализа повседневного языка, позволяющим описать механизм коммуникативного взаимодействия субъектов, результатом которого становятся согласованные действия. Показано, что основанием рациональной деятельности является успешная реализация коммуникативных намерений субъекта в различных типах речевых актов (локутивные, иллокутивные, перлокутивные). Сделан вывод, что философская концепция Дж. Остина – одно из значимых достижений в процессе формирования стратегии коммуникативной рациональности.

Ключевые слова: рациональность; коммуникативная рациональность; коммуникативное взаимодействие; язык; теория речевых актов.

Образец цитирования:

Дисько-Шуман МР. В поисках новых оснований рациональности: коммуникативное измерение лингвистической феноменологии Дж. Остина. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;1:4–10.

For citation:

Dzisko-Schumann MR. In quest of the new foundations of rationality: communicative dimension of Austin's linguistic phenomenology. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;1:4–10. Russian.

Автор:

Мария Робертовна Дисько-Шуман – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии факультета компьютерных сетей и систем.

Author:

Maria R. Dzisko-Schumann, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy, faculty of computer systems and networks.
mdzisko@gmail.com

IN QUEST OF THE NEW FOUNDATIONS OF RATIONALITY: COMMUNICATIVE DIMENSION OF AUSTIN'S LINGUISTIC PHENOMENOLOGY

M. R. DZISKO-SCHUMANN^a

^a*Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, 6 P. Broŭki Street, Minsk 220013, Belarus*

The issues of defining the essence of rationality is one of the most challenging and relevant in modern philosophy. Due to the crisis of classical rationalism and the revision of the fundamental foundations of rationality, as a result the understanding of rationality as a multidimensional phenomenon is formed and the strategy of communicative rationality is being formed in the philosophy of the second half of the 20th century. To understand and evaluate the prospects of the development of this strategy, a theoretical historical and philosophical reconstruction of its foundations, which were formed in various directions, primarily analytical philosophy, is necessary. This article is devoted to analyses the linguistic phenomenology of J. Austin in order to determine the communicative dimension of the basic concepts of his theory of speech acts. As a result of the research, the thesis that J. Austin's theory of speech acts is a new tool for the linguistic analysis of everyday language, which allows us to describe the mechanism of communicative interaction of subjects, the result of which is coordinated actions, is substantiated. It is shown that the basis of rational activity is the successful implementation of the subject's communicative intentions in various types of speech acts (locative, illocutive, perlocutive). This article has concluded that J. Austin's philosophical conception is one of the most significant achievements in the process of forming a strategy of communicative rationality.

Keywords: rationality; communicative rationality; communicative interaction; language; theory of speech acts.

Введение

Неклассическая и постнеклассическая философии отличаются многообразием тем, направлений и школ, методов и подходов, полиморфизмом и вариативностью результатов философской рефлексии. Но, несмотря на все эти различия, базовой ценностью и исходной аксиомой для большинства современных философов остается понимание философского знания как результата рационально-критического осмысления фундаментальных вопросов бытия человека и мира. В трудах философов-классиков (Аристотель, Р. Декарт, Г. В. Лейбниц, И. Кант, Г. Гегель и др.) рациональная природа философского знания трактуется как безусловная, абсолютная ценность, а в философии XX в. происходит переосмысление природы рациональности, а также ее критериев, места и значения в культуре.

Начиная с середины XIX в. феномен рационального философского познания и постижения бытия подвергался достаточно серьезной и обоснованной критике в таких направлениях, как философия жизни, экзистенциализм, психоанализ и др. В результате произошло переосмысление сущности рационального познания; аксиома абсолютного характера и независимости от каких-либо условий и факторов такого познания была признана несостоятельной. В философии складываются представления об исторической и социокультурной обусловленности норм и идеалов рациональности, разрабатываются ее классификации и типологии, определяются критерии демаркации рационального и нерационального, изучаются внерациональные формы по-

знания. Течения современной философской мысли по-разному решают данные вопросы. Как писал Дж. Сёрль, «можно спорить о теориях рациональности, но нельзя подвергать сомнению ее существование» [1, с. 12].

Наряду с вышеперечисленными направлениями в философии XX в. формируется ряд направлений и школ, которые выступили с тотальной критикой преодоления недостатков и ограниченности когнитивно-инструментального понимания рациональности классического рационализма и с идеей этого преодоления. Среди них наиболее значимыми стали постструктурализм, теория деконструкции, неопрагматизм и франкфуртская школа. Данные направления стремятся переосмыслить и переоценить фундаментальные основания самой философии и таких ее основополагающих концептов, как рефлексия, рациональность, структура, метод. В философии второй половины XX в. рациональность понимается как многомерный феномен, имеющий не только логическую, но и аксиологическую, нормативную, лингвистическую размерности. В современной философии плюралистический характер феномена рациональности нашел отражение в процессе формирования стратегии коммуникативной рациональности, в рамках которой становится возможной реализация различных форм, практик и технологий социального и коммуникативного взаимодействия, что особенно важно в условиях трансформации познающего субъекта из агента познавательной деятельности, носителя чистой рациональности

в агента коммуникативного действия, включенного в сложные сетевые инфокоммуникационные структуры современного общества.

Следует подчеркнуть, что переосмысление природы рациональности в философии считается процессом достаточно сложным, длительным, затрагивающим множество проблем и вопросов, разрешение которых в принципе невозможно в рамках какого-то одного направления или какой-то одной школы. Главным условием теоретической реконструкции становления стратегии коммуникативной рациональности является концептуальный анализ данного феномена в широком историко-философском кон-

тексте. Это позволит выявить многогранный и нелинейный характер процесса становления и развития данной концепции, а также преодолеть ограниченность в понимании ее содержания.

В данной статье будут рассмотрены и проанализированы ряд понятий и идей, разработанных в рамках аналитической философии и выступивших в качестве концептуально-семантического предшественника стратегии коммуникативной рациональности. Объектом историко-философского изучения является лингвистическая феноменология Дж. Остина, предметом – коммуникативное измерение основных понятий теории речевых актов.

Основная часть

Аналитическая философия не представляет собой целостной, единой концепции, разделяемой всеми ее многочисленными представителями. Тем не менее, можно выявить общую установку при решении философских проблем посредством анализа языка. «Ядро новейшей аналитической философии составляют, как правило, программы и концептуальный аппарат, вырабатываемые в философии языка, а “периферию” – другие аналитические дисциплины: “философия сознания”, “философия действия”, “философия логики”, “философия морали”, аналитическая метафизика и т. п.» [2, с. 5].

С позиции историко-философской реконструкции следует выделить несколько этапов развития аналитической философии [3], а также определить главные направления и школы, которые условно можно разделить на две категории: философия логического анализа и философия лингвистического анализа.

Очевидно, что предмет и задачи философии представители данных направлений определяли по-разному, равно как и инструменты, подходящие для решения поставленных ими задач. И если в случае с философией логического анализа таким инструментом выступала логика в различных ее версиях, то в случае с лингвистическим анализом, когда объектом философского анализа становится язык повседневности, средств и методов логики оказывается недостаточно. Таким инструментом, по мнению Дж. Остина, одного из наиболее влиятельных философов лингвистического направления аналитической философии, должна была стать разработанная им теория речевых актов.

Эта теория изложена в наиболее известной работе Дж. Остина «Как совершать действия при помощи слов» [3]. Большую часть ее содержания составил курс лекций «Слово как действие», прочитанный в разные годы в Оксфорде и Гарварде, а также ряд статей, опубликованных в журнале «Труды Аристотелевского общества».

Оценка философских идей, сформулированных Дж. Остином и его последователями (прежде всего

Дж. Сёрлем, Г. П. Грайсом и П. Ф. Стросоном) в рамках теории речевых актов, в отечественной философской традиции была далеко не однозначной. Работы Дж. Остина получили признание в рамках исследования проблем лингвистики, языкознания и теории коммуникации. В этом плане достаточно показательным является то, что отрывки из его основных работ, опубликованных еще в начале 1960-х, были переведены на русский язык и изданы только в середине 1980-х в серии сборников «Новое в зарубежной лингвистике» [5]. До этой публикации работы философа не были известны большой группе читателей из-за отсутствия перевода и ограниченного доступа заинтересованных исследователей к оригинальным трудам. Предисловие к частям сборника было написано советскими лингвистами И. М. Кобозевой и В. З. Демьянковым.

Широкому кругу философской общественности работы Дж. Остина стали доступны только в 1990-х гг. Следует отметить одну из первых публикаций его статьи «Значение слова» в специализированной антологии «Аналитическая философия: избранные тексты» [2]. Вступительная статья и примечания к ней были написаны профессором А. Ф. Грязновым. Стоит упомянуть и сборник переведенных работ Дж. Остина «Избранное» [6], в который вошли его статьи «Как производить действия при помощи слов», «Смысл и сенсibiliи» и др.

Таким образом, осмысление наследия и значения трудов Дж. Остина в русскоязычной философии началось достаточно поздно. Кроме внешнего обстоятельства (отсутствия переведенных работ), существовали и внутренние. Во-первых, наблюдалась гегемония марксистско-ленинской философии в советской философской мысли. Автор вступительной статьи к первой русскоязычной публикации «Слово как действие» И. М. Кобозева так характеризует сложившуюся ситуацию: «До недавнего времени Дж. Остин и П. Ф. Стросон были известны советскому читателю только как представители “лингвистической философии”. В работах философов-марксистов их научное наследие рассматривалось в основном

под углом зрения критики неопозитивизма... <...> Неопозитивизм в целом и лингвистическая философия в частности не дали и не могли дать решения актуальных философско-методологических проблем современной науки» [5, с. 8]. Во-вторых, происходила попытка «узурпации» со стороны философов предмета исследования, т. е. языка, феномен которого традиционно считался объектом изучения лингвистов. Указанные обстоятельства привели к тому, что на долгие годы теория речевых актов привлекла «внимание ученых, разрабатывающих проблемы речевой коммуникации как в теоретическом, так и в прикладном аспекте» [5, с. 7]. Например, большая часть научных статей с ключевыми словами «Дж. Остин» и «теория речевых актов», размещенная в электронной библиотеке *eLibrary*, в той или иной степени касается вопросов прикладной или теоретической лингвистики. Данное обстоятельство можно объяснить и тем, что в работах Дж. Остина пристальное внимание уделяется именно специфике употребления различных языковых конструкций в английском языке для выражения разных типов речевых актов. Детальное описание форм глаголов, используемых для выражения перформативов (речевых актов, эквивалентных совершению действия, к которым относятся, например, вынесение приговора или присвоение объекту имени), понятно в большей степени лингвистам, нежели философам.

Несмотря на указанные обстоятельства, работы Дж. Остина имеют первостепенное значение прежде всего для развития аналитической философии. После лингвистического поворота задачей философии становится анализ обыденного языка. В философии неопозитивизма предметом философской рефлексии выступал анализ языка науки, а одним из значимых теоретических результатов – принцип верификации, согласно которому любое теоретическое положение должно быть в состоянии редуцироваться к эмпирическому уровню, совокупности протокольных предложений. Дж. Остин резко противопоставляет предметы философского анализа неопозитивизма и собственных исследований. Философия перестает быть служанкой науки. Логический анализ языка науки – это вопрос о соотношении знака и его значения, сводящий все к проблемам логической семантики. Дж. Остин, переводя анализ в плоскость обыденного языка, во-первых, возвращает философии ее собственный предмет, четко разделяя границы науки и философии; во-вторых, решает вопросы, относящиеся к сфере логической (и лингвистической) прагматики, акцентирующей проблемы взаимодействия пользователя и языка.

Название «теория речевых актов» отсылает к пониманию того, что данная модель объяснения коммуникативного взаимодействия людей в речевой практике нацелена на построение прежде всего

структуры такого взаимодействия. Единицей логико-лингвистического анализа выступает отдельный речевой акт. Значение понятия «акт» указывает на две особенности: 1) акт является завершенным действием; 2) акт выступает единичным элементом какой-либо деятельности, в данном случае коммуникативного взаимодействия.

Одним из наиболее важных теоретических положений, обоснованных в работе Дж. Остина «Как совершать действия при помощи слов», является классификация речевых актов и критериев их разделения. «Вначале мы разграничили группу вещей, которые мы делаем при произнесении чего-либо, обобщив это разграничение словами о том, что мы совершаем локутивное действие... Затем мы сказали, что мы также можем совершать иллокутивные действия, такие, как информирование, приказ, предостережение... Наконец, мы можем совершать также перлокутивные действия – то, что мы приносим или достигаем посредством говорения чего-либо, например, убеждение, принуждение, устрашение...» [6, с. 94].

Теория речевых актов Дж. Остина противостоит формально-логическому и формально-грамматическому подходам к анализу языка, хотя в последующем предпринимались достаточно успешные попытки интерпретировать содержание его работ как с позиций формальной грамматики, так и с позиций логики. В основании теории речевых актов лежит ключевая идея о том, что любая форма использования языка представляет собой речевой акт, заверченный элемент речевой деятельности. Если учитывать классификацию речевых актов, то можно утверждать, что анализ речевого акта с позиций грамматической или логической структур применяется только к локутивным речевым актам, поскольку «локутивный акт эквивалентен произнесению предложения с определенным смыслом и значением (в традиционном смысле)»¹ [4, р. 108].

Локутивный речевой акт (любое осмысленное высказывание), будучи произнесением предложения, которое, безусловно, построено в соответствии с установленными синтаксическими правилами и имеет значение, может быть проанализирован как грамматическая структура (связь членов предложения, согласование падежей и т. д.) или как логическая структура (связь субъекта и предиката, наличие кванторов, модальных операторов и т. д.). Дальнейшее применение формальных средств анализа к иллокутивным (сформулированному коммуникативному намерению говорящего) и перлокутивным (ожидаемым эффектам, действиям от произнесения высказывания) речевым актам приводит к определенным сложностям, обусловленным природой данных видов речевых актов. Одно и то же предложение, произнесенное в различных

¹Здесь и далее перевод наш. – М. Д.-Ш.

контекстах, может иметь разные значения. Например, высказывание: «Я позвоню твоим родителям» – без контекста употребления выражает намерение X позвонить родителям Y. Данное значение определяется как абсолютное (или универсальное), т. е. понятное каждому пользователю (носителю) языка. Под относительным понимается то значение данного предложения, которое зависит от контекста его употребления. Таким образом, произнесенное одно и то же предложение (локутивный речевой акт) будет иметь различную иллокутивную силу и разные перлокутивные следствия. В приведенном выше примере произнесение учителем предложения: «Я позвоню твоим родителям», которое адресовано ученику, может иметь относительное значение напоминания, предупреждения, утверждения и т. д. Различными будут и перлокутивные следствия – побуждение к действию, испуг, настороженность и т. д. Относительное значение предложения определяется коммуникативной ситуацией. И если абсолютное значение предложения (значение локутивного речевого акта) может быть дешифровано любым пользователем языка, то относительное значение имеет смысл только применительно к тому или иному конкретному акту коммуникации. Это значение не является предустановленным, а возникает в процессе коммуникативного взаимодействия.

Оба вида речевых актов (локутивные и иллокутивные) характеризуются наличием коммуникативного намерения. Для локутивного речевого акта таким намерением выступает передача информации и, по мнению Дж. Остина, в нем используются констатиры. Поскольку любое высказывание имеет логическое значение, то именно возможность установления этого значения отличает употребление констативов от перформативов. «Когда мы вначале противопоставляли перформативное употребление констатиру, мы говорили, что 1) перформатив должен делать что-либо в противоположность тому, чтобы говорить что-либо, и 2) перформатив является успешным или неуспешным в противоположность истинности или ложности» [6, с. 112].

Разграничение высказываний, в которых коммуникативным намерением выступает передача информации (констатиры), от высказываний, где коммуникативное намерение – это побуждение к действию (перформатив), проявляется в том, что в первом случае присутствует логическое значение, а во втором необходима реакция (слова, действия). «Произнесенный констатиры (то, что философы определяют как “утверждение”) обладает свойством быть истинным или ложным. Произнесенный перформатив, напротив, никогда не может быть ни тем, ни другим: у него есть своя особая функция – он используется для выполнения действия» [7, р. 537]. Например, высказывание: «Сегодня холодно» – на уровне локутивного речевого акта может быть проанализировано как

констатиры, который обладает логическим значением «истина» в том случае, если сегодня действительно холодно. Значение данного высказывания понятно всем пользователям – носителям языка, т. е. является абсолютным (универсальным). В то же время это выражение в конкретной коммуникативной ситуации может выступать частью иллокутивного речевого акта, имеющего относительное (контекстуальное) значение. «...В случае констатируного употребления мы абстрагируемся от иллокутивного аспекта речи и сконцентрируемся на локутивном... В идеале мы стремимся к тому, что было бы правильным сказать при всех обстоятельствах, для любой цели, любому слушателю и т. д. Возможно, иногда это реализуется» [6, с. 212].

Несмотря на описанный критерий разделения констативов и перформативов, лежащий в плоскости определения истинности (ложности) для констативов или успешности (неуспешности) для перформативов, Дж. Остин релятивизирует само понятие истинности, связывая его определение с коммуникативной ситуацией. «Важно понимать, что “истина” и “ложь”, так же как “свобода” и “несвобода”, не означают ничего конкретного, а только общее понимание того, что правильно или неправильно говорить в данных обстоятельствах, для этой аудитории, этих целей и с этими намерениями» [4, р. 78].

Коммуникативное намерение существует как у говорящего, так и у слушающего, и последнее состоит в том, что адресат готов не только воспринять и установить значение обращенного к нему высказывания (речевого акта), но и действовать в дальнейшем в обстоятельствах, озвученных говорящим, другими словами распознавать коммуникативное намерение адресанта. По мнению Дж. Остина, это должно выразиться в реализации перлокутивных эффектов, т. е. в тот момент, когда «слово становится действием». Сила иллокутивного речевого акта определяется как готовность слушающего действовать в дальнейшем в координатах полученной информации, независимо от того факта, является ли конкретный речевой акт простым утверждением, просьбой, указанием, вопросом и т. д. «...В случае перформативного употребления мы уделяем столько внимания, сколько можем, иллокутивной силе высказывания в противоположность измерению соответствия фактам (т. е. установлению его истинности. – М. Д.-Ш.)» [6, с. 121].

Коммуникативное намерение говорящего может не быть правильно распознано, понято и интерпретировано слушающим, даже при условии использования адресантом подходящих языковых средств (логически и грамматически верной конструкции, правильного перформативного глагола) и наличии должных языковых компетенций у адресата. Если оценивать такую ситуацию с позиций формально-грамматического или формально-логического

подходов (с соблюдением всех требований), то мы имеем дело с примерами успешной коммуникации и эффективного речевого акта. В теории речевых актов Дж. Остина выполнение логических и грамматических правил построения локутивного речевого акта не гарантирует реализацию иллокутивного речевого акта и достижение перлокутивных эффектов. Иллокутивная сила высказывания не зависит ни от логической структуры пропозиционального выражения, ни от грамматической структуры высказывания.

Анализ речевого акта с точки зрения его структуры не является эффективным, поскольку такой подход не объясняет причинно-следственную связь между совершенным речевым актом и его успешностью или неуспешностью в конкретной коммуникативной ситуации. Оценка успешности или неуспешности речевого акта может быть произведена только с позиции результатов коммуникативного взаимодействия или же отсутствия таковых, а не с позиции соответствия или несоответствия речевого акта заранее установленным правилам. Речевой акт является актуальной реальностью «здесь и сейчас», а исход его процесса определяется непосредственно в момент взаимодействия. Акт речи не предопределен никакими внешними факторами, кроме тех, которые затрагивают непосредственных участников коммуникативной ситуации (например, имеющих социальную природу ценностей, норм, установок, разделяемых участниками процесса). Основной характеристикой речевого акта является его принципиальная intersubjectивность

– направленность не на абстрактного рационального субъекта, своего рода «интеллектуальную машину», вступившую в коммуникацию и реализующую речевые акты в соответствии с заранее заданными правилами, а на конкретного слушателя (читателя), имеющего намерение как минимум стать участником коммуникативной ситуации, как максимум реализовать перлокутивные эффекты речевых актов говорящего (ответить на вопрос, выполнить просьбу, изменить свое мнение и т. д.). Речевой акт является рациональным в той степени, в которой в нем реализованы коммуникативные намерения как говорящего, так и слушающего. С этой точки зрения речевой акт Дж. Остина следует рассматривать как прототип концепта коммуникативного действия Ю. Хабермаса.

В теории речевых актов язык, выступая предметом логико-философского анализа, не образует самостоятельной реальности и не является только способом передачи информации, а служит инструментом, обеспечивающим коммуникативное взаимодействие, результатом которого становятся как речевые акты, так и конкретные действия. Вследствие такого понимания феномена языка в концепции Дж. Остина не совсем корректно характеризовать теорию как лингвофилософию и философию лингвистического анализа. Наиболее точным и отражающим всю полноту содержания данной теории видится ее определение как лингвистической феноменологии, задачей которой становится беспредпосылочная дескрипция опыта использования языка.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что лингвистический поворот в аналитической философии, одной из значимых фигур которого стал Дж. Остин, трансформировал понимание природы рациональности, сместив фокус исследования с когнитивно-инструментального объяснения субъект-объектного взаимодействия на изучение коммуникативной природы рациональности, лежащей в плоскости субъект-субъектного взаимодействия. В лингвистической феноменологии речевая деятельность является рациональной не из-за соответствия системе правил, удовлетворяющих определенным, заданным критериям рациональности. Ее рациональный характер обусловлен непосредственно процессом

коммуникативного взаимодействия участников. Рациональность речевой деятельности (совокупности речевых актов) определяется ее успешностью, эффективностью реализации коммуникативных намерений участников процесса, т. е. последующими действиями – ответом на вопрос, выполнением просьбы, изменением точки зрения и др. Таким образом, речевая деятельность является принципиально intersubjectивной. Реализующий субъект-субъектное взаимодействие и ее рациональный характер не может быть обоснован с позиций когнитивно-инструментального понимания природы рациональности и только средствами логико-эпистемологического анализа.

Библиографические ссылки

1. Сёрль Дж. *Рациональность в действии*. Колодий А, Румянцева Е, переводчики. Москва: Прогресс-Традиция; 2004. 336 с.
2. Грязнов АФ. *Аналитическая философия: избранные тексты*. Москва: Издательство МГУ; 1993. 191 с.
3. Грязнов АФ. Феномен аналитической философии в западной культуре XX столетия. *Вопросы философии*. 1996;4:37–47.
4. Austin JL. *How to do things with words*. Oxford: Clarendon Press; 1962. 174 p.

5. Кобозева ИМ, Демьянков ВЗ, составители. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII: теория речевых актов*. Москва: Прогресс; 1986. 424 с.
6. Остин Дж. *Избранное*. Макеева ЛБ, Руднева ВП, переводчики. Москва: Идея-Пресс; 1999. 332 с. Совместно с издательством «Дом интеллектуальной книги».
7. Austin JL. Performative-Constativ. In: Nuccetelli S, Seay G, editors. *Philosophy of Language*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers; 2013. p. 504–516.

References

1. Searle J. *Rationality in action*. Cambridge: The MIT Press; 2003. 319 p.
Russian edition: Searle J. *Ratsional'nost' v deistvii*. A. Kolodii, E. Rumyantseva, translators. Moscow: Progress-Traditsiya; 2004. 336 p.
2. Gryaznov AF. *Analiticheskaya filosofiya: izbrannye teksty* [Analytical philosophy: selected texts]. Moscow: Izdatel'stvo MGU; 1993. 191 p. Russian.
3. Gryaznov AF. The phenomenon of analytical philosophy in the Western culture of the 20th century. *Voprosy filosofii*. 1996;4:37–47. Russian.
4. Austin JL. *How to do things with words*. Oxford: Clarendon Press; 1962. 174 p.
5. Kobozeva IM, Dem'yankov VZ, compilers. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk XVII: teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Issue 17: theory of speech acts]. Moscow: Progress; 1986. 424 p. Russian.
6. Austin JL. *Izbrannoe* [Favorites]. Makeeva LB, Rydneva VP, translators. Moscow: Idea-Press; 1999. 332 p. Co-published by the «Intellectual Book House». Russian.
7. Austin JL. Performative-Constativ. In: Nuccetelli S, Seay G, editors. *Philosophy of Language*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers; 2013. p. 504–516.

Статья поступила в редколлегию 16.09.2021.
Received by editorial board 16.09.2021.